

Подписывайтесь на наши
социальные сети,
если у вас есть знакомые
близнецы

ПАВЕЛ
ПЕППЕРШТЕЙН

**СТРАНСТВИЕ
ПО
ТАБОРАМ
И
МОНАСТЫРЯМ**

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1
ББК 84(2=411.2)
П23

Все права защищены.

Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена и не может распространяться ни в какой форме и никакими средствами ни в электронном виде, ни механически, в том числе в виде фотокопий, аудиозаписей или на накопителях, без письменного разрешения издателя.

Роман писателя и художника Павла Пепперштейна, написанный в 2013–2014 годах, с 2015 года печатался в журнальном варианте «Носорога». В 2019 году вышел отдельной книгой в издательстве «Носорог».

Пепперштейн, Павел.

П23 Странствие по таборам и монастырям / П. Пепперштейн. — Москва : Издательство АСТ, 2024. — 480 с. — (*Smart. Concept*).

ISBN 978-5-17-161428-7

«Странствие по таборам и монастырям» писателя и художника Павла Пепперштейна — роман, персонажи которого в декорациях детективной истории путешествуют по местам и сообществам — как вполне реальным, так и словно замкнувшимся в коконе собственной действительности.

Здесь раздваиваются герои, а, перевернув страницу, можно попасть в отдельный фантазмагоричный сюжет и быть унесенным живым потоком слов, вагонетками синонимов, языковой игрой, ироничными пародиями, неожиданными отступлениями, мозаичностью литературных и культурных отсылок. И даже открывается роман внезапно, вполне в хармсовском духе — с драки со старухой.

УДК 821.161.1
ББК 84(2=411.2)

ISBN 978-5-17-161428-7

© П. Пепперштейн, 2024
© А. В. Марков, статья, 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2024

В чужой монастырь
со своим уставом не лезь.

Поговорка

Я уеду в дальний табор
Цыганочку просватаю.

Песня

Глава первая

У стен монастыря

— Известно ли вам, прекрасные дамы, старинное русское выражение «подвести под монастырь»? Ну конечно, оно вам известно! По глазам вашим сияющим вижу, что вы отлично осведомлены о том, что именно данное выражение означает. В наше время говорят кратко: подставить. Вовлечь кого-то в серьезные проблемы, причем тот, кто подставляет, не становится сам по себе источником этих проблем, однако осознанно или случайно приближает подставляемого к такому источнику. По-английски глагол «подставить» соответствует глаголу *to frame* — «взять в рамку». Монастырь тоже есть своего рода рамка. Раньше я по наивности полагал, что выражение «подвести под монастырь» исторически связано с тем обстоятельством, что монастыри на Руси, как, впрочем, и во всем христианском мире, использовались в качестве тюрем. Но эта версия — ошибочная, — так говорил Мельхиор Платов, сидя на веранде недорогого итальянского ресторана и обращаясь к трем превосходным молодым женщинам, которые волею судеб делили с ним квадратный столик, покрытый бязевой скатертью в крупную красную клетку.

Мельхиор пил кьянти в ожидании ликующего мига, когда благая рука официантки поставит перед ним тарелку, до краев наполненную пылающими спагетти. Он обожал острое. Трудно было разыскать более страстного поклонника индонезийской кухни, из чего можно сделать вывод, что он не был завсегдаем того ресторанчика, где мы застаем этого необузданного человека в самом начале нашего повествования, которое в целом посвящено будет отнюдь не ему.

Тем не менее факт остается фактом: именно этот человек с исцарапанным лицом, в разорванной одежде, с темным кровоподтеком на одной из скул, вальяжно развалившийся

в плетеном кресле, — именно он встречается нам в начале того пути, который мы назовем странствием по таборам и монастырям. Вас не расстроила эта встреча? Да, мало радости в этом человеке. Не то чтобы Мельхиор Платов был персоной скверной или пустой, напротив — достаточно добрый и вполне честный парень, к тому же эрудит и работяга, славный педантичный говорун и прочее, но живущие в его душе агрессивность и вспыльчивость заставляют нас искренне пожалеть о том, что мы встречаем его в начале нашего пути.

Его разорванная чуть ли не пополам одежда была дорогой и модной — он обожал ввязываться в драки, и совершенно неожиданно мог полыхнуть в нем гнев. Впрочем, в отношении своих друзей и знакомых он всегда бывал ровен, сердечен и даже несколько подобострастен, но любое колкое замечание или даже просто проявление неполной учтивости со стороны незнакомца или группы незнакомцев он воспринимал как призыв к битве. И он молниеносно бросался в бой, если видел перед собой людей сильных и угрожающих, он кидался на задир с такой откровенной готовностью, похожей на с трудом скрываемую радость, что сразу же рождалось подозрение, что он только этого и ждал. В такие моменты у его друзей возникало неприятное чувство, что долгие, любезные и по-своему даже напыщенные беседы, которые он с ними вел, были для него лишь средством убить время в ожидании очередной нелепой стычки с каким-нибудь озлобленным прохожим или неприветливым охранником. Сидя с ним в кафе или блуждая по улицам, заходя в кинотеатр или же выходя из мраморных вестибюлей научно-исследовательских институтов, тусуясь с ним на бирже или на рейве, встречая его в кулуарах власти или же в муаровых коридорах безвластия, его друзья и подружки с тревогой замечали, что, поддерживая с ними разговор, даже роняя кое-какие дельные или занятные замечания, вызывающие на его собственном лице подобие кроткой и несколько опустошенной улыбки, Мельхиор в то же время с какой-то сонной злобой оглядывался вокруг, словно выискивая у себя за спиной или же за спинами тех, с кем он общался, потенциальных обидчиков и грубиянов. Именно их он по сути желал встретить вместо тех многочисленных друзей, которым он готов был заранее простить

любой проступок, любую выходку, любую дерзкую или унижающую его шутку. В драках он не взвешивал ни свои силы, ни силы противников, из-за чего часто бывал бит, впрочем, безудержная отвага и космическая злоба заменяли ему силу. Он никогда и нигде не учился драться и, по сути, драться не умел, не занимался ни восточными, ни западными боевыми искусствами, но ярость вспыхивала в нем так внезапно, что он способен был причинить обидчикам серьезные физические увечья, даже если их было много или же они не на шутку превосходили его своими боевыми качествами.

В силу этих обстоятельств друзья не слишком любили его, хотя его отзывчивость, его готовность помочь, его обширные знания и умеренное остроумие не вызывали сомнений. Да, нам не совсем повезло, что мы видим этого драчуна в самом начале нашего непростого пути, но зато в его компании мы встречаем трех прекрасных дев, причем прекрасны не только их лица и тела, но еще прекрасны их души, излучающие ароматы более тонкие и волнующие, чем духи, которым эти девушки отдавали предпочтение. К тому же эти три молодые женщины принадлежали к разным народам. Три страны, подарившие им жизнь и родной язык, словно бы приложили особое усилие, чтобы выпестовать существ, воплощающих в себе именно тот тип красоты, который мог послужить манифестацией их национальных идей.

Таким образом, они напоминали флаги своих стран, гордо развевающиеся на фоне синего неба. Но сейчас, выслушивая тираду Мельхиора о выражении «подвести под монастырь», эти три молодые женщины выглядели несколько смущенно и озабоченно.

Дело в том, что все они познакомились с Мельхиором утром этого самого дня и еще ничего не знали о его характере. Утром, разговорившись с ним в холле отеля, они подумали, что это вполне приличный и даже элегантный молодой человек, видимо, интеллектualan и кладезь знаний, влюбленный в историю городов. Мельхиор сообщил им такие неожиданные сведения о громоздившемся напротив их отеля соборе, что тот даже показался им пикантным, и они охотно приняли приглашение нового знакомого отужинать вместе в итальянском ресторанчике на набережной. Девушки явились на встречу, обойдясь без кокетливых опозданий.

Точно вовремя явился и Мельхиор. Таким образом, они узрели его у входа в ресторан, но не успели они радостно приветствовать друг друга, как случилась одна из тех быстрых и редких драк, к которым Мельхиор привык, как люди привыкают к своему отражению в зеркале, но девушки к подобному оказались не готовы, и краткий эпизод, молниеносно превративший одежду Мельхиора в колышающуюся рвань, поверг их в состояние шока. Тем более что на этот раз Мельхиор подрался не с женщиной.

В ту минуту, когда Мельхиор галантно распахнул перед барышнями дверь недорогого ресторана, какая-то старуха внезапно нарисовалась за его плечами. Ее всю трясло, лицо ее перекопилось, словно ей в ухо капнули уксуса. Указывая на одну из девушек трясущимся белым пальцем, на кончике которого красовался медный наперсток, старуха крикнула резким, визгливым голосом:

— Пиздосранка! Пиздосранка рваная!

Показалось, что этот крик еще не успел дозвучать, а Мельхиор (прежде чем он сам что-либо сообразил) уже нанес в плоский старухин живот столь страшный удар, что старуху отбросило и шмякнуло о колючую бетонную стену. Тут бы ей и конец, но она, презирая собственную ветхость, сразу же разогнулась и с гибкостью и свирепостью камышовой кошки бросилась на Мельхиора, вцепившись ему в лицо. Они упали и покатались по земле, но испуганные девы не увидели конца этой схватки: они юркнули в приоткрытую дверь ресторана и поспешно углубились в его незатейливые пространства: демократическая публика, мирно поглощающая спагетти, унылые запахи кухни — все это теперь показалось им уютным, привычным, защищающим, словно итальянский ресторан — это семейные шлепанцы всего человечества. Все это словно бы стало во весь рост, чтобы заслонить их от хаотического ужаса спонтанных потасовок, от ужаса старух в светло-серых приталенных пальто с траченными молю меховыми воротниками, от ужаса непредсказуемых представителей слишком уж сильного пола, чьи боевые реакции опережают любое движение разума. Между тем в ресторане никто не вскакивал со своих мест: происшествие у входа осталось незамеченным. Сразу же появился и Мельхиор, весь изорванный, с расцарапанным до крови лицом, но совер-

шенно спокойный и даже, кажется, довольный. Он вальяжно уселся вместе с девушками за столик, щелкнул пальцами, подзывая официантку, и быстро заказал еду и красное вино. Оставив эпизод со старухой без комментариев, он пригубил из возникшего перед ним бокала и заговорил о «подведении под монастырь», сопровождая свою речь кроткой, умиротворенной и вежливой улыбкой, которую можно было бы считать даже заискивающей, если бы не присутствующая в ней оцепенелость. Говорил он по-французски, и, конечно же, двум из его собеседниц оказалось совершенно неведомо русское выражение про монастырь, однако третья девушка была русская, и именно на нее указывала старуха своим медным перстом, и она до сих пор оставалась бледна и ошарашена инцидентом. А между тем ее действительно небесная красота и абсолютная ясность ее охваченных страхом детских глаз — все это вопиюще контрастировало с грязным воплем безумной старухи. Да, эту девушку атаковали, но жестокость, с какой ее стали защищать, испугала ее больше, чем само нападение. Ее подруги отходили от шока быстрее с помощью красного вина. Эти три девушки давно бы уже нервно закурили свои тонкие сигареты, но суровые правила Евросоюза запрещают курить в кафе, а выйти они не решались, опасаясь увидеть там старуху или, того хуже, труп старухи.

— О чем это вы? — вдруг произнесла русская девушка на своем родном языке. — О чем это вы говорите? Уж не хотите ли вы сказать, что это я подвела вас под монастырь? Я, что ли, вас подставила? Кто была эта женщина? Что это вообще за сцена?

— Я ее не знаю, — невозмутимо ответил Мельхиор, продолжая изъясняться по-французски. — Эта дама, возможно, ментально нездорова. Вы меня никак не подставляли, а вот она действительно подвела меня под монастырь: под монастырь вашего неудовольствия. Она выставила меня перед вами в невыгодном свете, потому что каким светом ни освещай парня с расцарапанной физиономией и в изодранной одежде, этот свет по-любому окажется невыгодным. К сожалению, в наше время ментальные заболевания распространились в катастрофических масштабах, хотя говорят о них меньше и осторожнее, чем говорили раньше. Особенно подвержены безумствам люди пожилые, а почему, соб-

ственно? Ответ прост: мозг человеческий — это своего рода электрический господин, не так ли? А когда этот электрический господин становится на колени перед электрическим господином другого типа, тогда мозг становится рабом, он заболевает, потому что функция его — господствовать, а если он впадает в рабство, то это надлежит считать болезнью. Старики так тесно прилепились к компьютерам, что слово «мудрость» нынче звучит как злая шутка. Эта пожилая дама, видно, слишком много времени провела в сети, вот и сошла с ума. Человек в сетях — как пойманная рыба: таким рыбкам либо вся дорожка в суп, либо они гниют с головы. Однако впрямь эта компьютерная наркоманка вас не побеспокоит.

— Вы убили ее? — спросила девочка из Японии.

— Господь с вами! Впрочем, вы юный бумажный цветок и, наверное, обожаете русскую литературу, поэтому думаете, что все русские только и делают, что убивают старух.

— Вы имеете в виду Достоевского? — спросила японка, которая действительно обожала русскую литературу. Мельхиор попал в точку в данном случае. Он вообще временами попадал в точку, в десятку, в яблочко, хотя чаще поджидало его райское развитие событий, и тогда он попадал пальцем в небо.

— Отчего же только Достоевского? А Пушкин с его «Пиковой дамой»? А Гоголь и его старуха, превращающаяся в панночку? А Хармс и его практика конвейерной дефенестрации старух? А? Что? У нас климат суровый, особенно раньше, до экологической катастрофы, зимы лютовали, грозили люду голодом и холодом, да и переход от зимы к весне давался нелегко. Зима считалась старухой-колдуньей, и в начале весны ее ритуально убивали: отсюда вся эта тема.

— Сейчас лето. Явно не сезон убивать старушек, — едко заметила юная англичанка.

— Поэтому я ее и не убил, — ответил Мельхиор. — Эх, попадись она мне весной...

Он изображал человека непринужденного, шутливового, но тайный его педантизм (возможно, оборотная сторона его необузданных приступов агрессии) все же присутствовал в нем.

— Да, я собирался ведь рассказать вам, откуда на самом деле взялось это выражение — «подвести под монастырь». В старинные времена существовал на Руси такой особенный

литературный жанр — духовные стихи. Жанр устный, народный. Стихи эти — довольно длинные песни-поэмы, нечто вроде баллад религиозного содержания, в них шла речь о чудесах веры, о деяниях византийских, египетских и русских подвижников, об исцелениях больных, о добрых и раскаявшихся разбойниках, злых духах, о воскресении мертвых, о внезапной кротости диких зверей, о превращениях, которые происходят с душой человеческой во время долгих скитаний к святым местам. Баллады эти передавались устно, и по традиции пели их на церковных празднествах исключительно бродячие слепцы, собирая за это подавание. Слепцы-певцы путешествовали всегда с поводырем — обычно это бывали мальчишки, с коими слепец делился своей добычей. Так они скитались от монастыря к монастырю, поспевая к праздникам, благо праздники случались часто. Прибыв на место, слепец усаживался за монастырскими стенами и запевал свою песню. Должно быть, голоса их не всегда звучали приятно, но подавали им не за приятность голоса, а за трогательность содержания. Но если слепец жадничал и ссорился со своим поводырем, то у тех на такой случай имелся особый тип мести. Когда слепцу требовалось облегчиться, он просил мальчика-поводыря отвести его куда-нибудь в кустики, как принято говорить. Чтобы совершить то дело, которое делают в кустиках, следовало отдалиться от монастыря, однако если слепец проявлял к своему поводырю чрезмерную жадность или злобность, тогда тот в отместку подводил его под самые монастырские стены. Слепец начинал делать свое дело, и тут же на него налетали стражи или монахи или прочий гневный люд: могли избить, могли и убить. Вот это и называлось «подвести под монастырь».

— Наслаждайтесь вашей пищей, — едкоотреагировала англичанка, тем более что как раз в тот момент всем принесли еду. Англичанка (ее звали Рэйчел Марблтон, 20 лет) заказала спагетти с морепродуктами. Сама она тоже была прекрасным морепродуктом: на ее мраморной коже словно бы осела океанская соль, в серых насмешливых очах отражались колониальные горизонты, темно-зеленый свитер был усеян одинаковыми кораблями, заблудившимися среди тех течений, что вечно влекут мертвых моряков. Мельхиор Платов ей уже вполне определенно не нравился. «Вульгарный

и педантичный мачо, псевдоинтеллектуал, обогащенный достаточно отталкивающим шизопроцессом. Пошловат, самоуверен, закомплексован, как все русские», — таков был диагноз этой юной леди в данном случае.

Тасуэ Киноби, 21 год, заказала пиццу. Но она к ней даже не притронулась, а неотрывно смотрела своими черными блестящими глазами в лицо Платова. Этот человек внушал ей страх более глубокий, чем способен был внушить ее подругам — нежным европейкам. При этом она понимала, что если захочет, то сама может испугать его так чудовищно и глубоко, что его жесткие волосы оловянного цвета в одну секунду сделаются седыми. Но она не собиралась этого делать. Платов казался ей демоном, духом горного храма, а это означало, что в лице этого чужестранца она видела родного брата. Два года назад, когда она прочитала всего Достоевского, не побрезговав даже дневниками и письмами, она также решила, что этот русский писатель вряд ли был человеком. О таких людях ее учитель, профессор Сенобу, говаривал: «Духи болот и омутов, влюбленные в высокие небеса».

А русская девушка Зоя Синельникова (19 лет) вообще не думала о Мельхиоре, она думала о неведомой старухе. Заказала она салат с руколой и белым сыром, и пока ее ровные белоснежные зубы пережевывали пряные листья руколы, взгляд ее блуждал где-то в области окна, за которым серела мокрая Ницца.

Тютчев написал:

О, этот Юг, о, эта Ницца!

О, как их блеск меня тревожит!

Но Зою тревожила не сама Ницца, а старуха, внезапно на нее напавшая. Старуха в целом выглядела как заурядная безумная кликуша бомжового типа, и если бы подобный экземпляр атаковал Зоеньку на родной земле, она бы не удивилась. Но явление такого существа в Ницце, в теплой, влажной и вальяжной Ницце — это напоминало галлюцинацию. Здесь случаются свои бомжи и безумцы, однако эта была из России — и каким только ветром ее занесло сюда?

Зоя попыталась вспомнить лицо старухи — отдельные черты ей рисовались отчетливо: горящие глаза, трясущийся

рот, вязь морщин, опрысканных дождем, но все это не складывалось в цельный портрет. Старуха вроде бы высоко-рослая, по-своему явно мощная, в сером длинном приталенном пальто с крупными пуговицами, а шею ее обнимал меховой воротник, сшитый из шкурки какого-то жалкого животного; на голове ее, кажется, было нечто вроде шляпки, но не совсем шляпка, и еще... И еще, кажется, у нее были крупные красные руки, впрочем, это могло почудиться.

И Мельхиор Платов, и три его собеседницы прибыли в Ниццу на семинар, посвященный истории европейской литературы. Мельхиор слыл знатоком самых различных вещей, и все же на этот семинар его занесло более случайным ветром, чем трех девушек, которые — все трое — всерьез решились посвятить свою жизнь истории еврословесности.

У Зои Синельниковой старуха не вызвала никаких литературных ассоциаций, Рэйчел Марблтон сочла ее одной из бесчисленных волн в океане русского хаоса (давно уже выплеснувшегося за старинные границы Российской империи), зато впечатлительной и мистически настроенной японочке эта ветхая, но упругая колдунья показалась самой Европейской Литературой, на свидание с которой Тасуэ явилась на юг Франции. Именно такой она себе и представляла эту Литературу — злобной, безумной, бездомной нищенкой, не знающей ни границ, ни пределов, атакующей из-за угла, легко терпящей поражение; словесностью, наделенной морщинами, острыми когтями и медными зубами, наполненной до краев своими прошедшими минутами и веками, о которых сама она маразматически забыла: поверхность ее лица так скукожилась, что казалась мозгом, и этот внешний поверхностный мозг, мозг кожи, помнил о прошлом вместо внутреннего мозга, который обо всем предпочел забыть.

Старухи вроде этой обычно встречаются у входа в храмы, но заурядный итальянский ресторан — это тоже храм — храм, где люди, поедающие спагетти, вспоминают о том, что когда-то в незапамятной древности они были птицами, даже птенцами, жадно выхватывающими из родительских клювов белых извивающихся червей. Поэтому столь окрыленно почувствовала себя юная Тасуэ, когда она ушла оттуда и в одиночестве спустилась к морю.

Глава вторая

Цыганский Царь

Мельхиор Платов водил знакомство с множеством людей, однако он совсем не знал и никогда не встречал одного персонажа по кличке Цыганский Царь.

Цыганский Царь родился в Харькове, вырос в детском доме и о родителях своих не имел никакого представления, но кто-то сказал ему, что они — цыгане. Не найдя тому никаких доказательств, кроме этих слов, брошенных кем-то, этот человек поначалу назвал себя просто Цыганом, а затем стал именоваться Цыганский Царь — видимо, в силу того, что ему не чужда была мания величия. Никто из настоящих цыган не подозревал о том, что у них имеется царь, — Цыганский Царь с настоящими цыганами по жизни не пересекался и вообще редко покидал свою квартиру. Жил он в узком конструктивистском доме, кажется, в молодости был математиком, но заболел алкоголизмом, да еще в тяжелой форме, так что даже на мир чисел, уравнений он стал смотреть сквозь бутылочное стекло.

Под влиянием горячительных напитков Цыганский Царь так быстро деградировал и опустился, что даже соседи и собутыльники уже не называли его Цыганским Царем, а стали звать его сокращенно Це-Це, имея в виду те ядовитые проявления его распадающейся личности, которыми бывший математик наполнял свой конструктивистский дом. Впрочем, и сами соседи и соседushки попались так себе — все как на подбор жирные, мясистые (хотя постоянно жаловались на полуголодное существование), въедливые, склочные, самолюбивые и шумные параноики. Серый город Харьков лежал на их душах, как бетонная плита. В этом городе, казалось, никто и никогда не любил другого человека, все обожали только себя, ну еще, может быть, любили или ценили отдельные проявления